

Весь его опыт и интуиция твердили: с умением А Цзю тот и без его защиты выйдет сухим из воды. Сейчас ему следовало сосредоточиться на противнике, а А Цзю — просто игнорировать, предоставив его собственной судьбе, а не участвовать в этом дурацком представлении.

Зная это, почему же он не мог остановиться?

Тан Шаотан, в пятый раз ломая клинок, уже почти коснувшийся лица А Цзю, решил перестать думать.

Не беда. В том, чтобы прикрывать других, у него был хоть и скромный, но опыт.

С шести лет, едва взяв в руки меч, он не знал себе равных среди сверстников в Павильоне Радужных Одежд. В пятнадцать, сражаясь со старшими учениками, он доводил их до того, что те притворялись больными, лишь бы избежать позора. Три года назад, завершив обучение, он получил задание убить двух братьев из семьи Фань. После того как миссия провалилась — пусть и косвенно, — тётушка Чань перестала давать ему одиночные задания, и с тех пор он занимался только прикрытием.

Прикрытие сводилось к двум сценариям: либо сёстры уже отступили, и он оставался один, чтобы перебить всех преследователей; либо ситуация была сложнее — на поле боя помимо него оставались раненые или менее умелые товарищи. Хотя приказы обычно гласили «оставить раненых, уничтожить врага», он, по своей врождённой глупости, казалось, не мог до конца понять эту простейшую инструкцию и неизменно тащил товарищей с собой.

Благодаря этой своей «глупости» ему не раз приходилось сражаться не на жизнь, а на смерть, волоча за собой одну-две обузы, и опыт в этом деле он приобрёл изрядный. Если «обуза» вела себя смирно, можно было прикрывать её одной рукой. Если же она норовила выкинуть фортель, как этот А Цзю, её оставалось лишь швырнуть за пределы схватки, словно дырявый мешок.

Вот только мешок оказался слишком вертлявым. Дважды Тан Шаотан пытался его схватить, но лишь касался края одежды. Лишь с третьей попытки ему удалось выдернуть парня из окружения.

Весёлый мешок парил в воздухе и кричал:

— Эй, великий герой, пощади! Оставь хоть одного живого, чтобы допросить!

Глубокой ночью, тихо обновляю.

А Цзю, видимо, родился с даром сглаза: чего боялся, то и случалось.

Едва он это вымолвил, как все маскированные, поняв, что дело плохо, разом остановились, лизнули ядовитые капсулы в зубах и приготовились принять яд.

— Осторожно, они... — начал А Цзю.

Не успели слова «хотят покончить с собой» слететь с его губ, как Тан Шаотан инстинктивно провернул запястье. Меч дрогнул и загудел. Острие слегка притупилось, но давление, им исходившее, лишь возросло. В миг, когда он завершил движение и повернулся, вибрирующее лезвие, обрушив на маскированных неудержимую волну цзяни*, шлёпнуло их всех по лицу

разом, звонко и смачно.

*Мечевая энергия — мечевая/меча энергия, сила меча.

Поражённые враги грохнулись на землю, роняя зубы.

А Цзю: «...»

Теперь о самоубийстве не могло быть и речи. Смогут ли они вообще говорить — вот в чём вопрос. А Цзю про себя подумал: неужели Тан Шаотан когда-то точно так же отдубасил главу Школы Бэйван?

Если да, то неудивительно, что старик затаил обиду на столько лет, так и не смог переступить через унижение и в итоге, унылый и подавленный, устроил церемонию омовения рук в золотом тазу, чтобы поскорее покинуть реку и озёра*.

*Реки и озёра — идиома, означающая мир боевых искусств, «джанху».

Тан Шаотан был мастером не только в бою, но и в жизни. Он закончил дело и убрал меч, не проявляя ни радости, ни гнева, ни вражды, будто те, кто хотел его убить, и те, кого он побил, никогда и не существовали. Он стоял в стороне, отстранённый, словно просто погрузившись в свои мысли.

А раз он просто стоял и думал, то и убирать трупы, естественно, не стал.

А Цзю тяжело вздохнул, с отвращением наклонился и принялся сдирать с лиц маскированных окровавленные маски, перепачканные слюной и обломками зубов. Подержав их в руках и скривившись, он, разумеется, никого не узнал. Вышло себе дороже: ни намёка на результат.

Он разглядывал пленников, корчащих под масками гримасы, и с одобрением цокал языком:

— Мастер Тан, искусно! С такой скоростью можно и свидетелей порешить.

Лесть А Цзю звучала не слишком приятно да и не очень складно. Выходило, будто Тан Шаотан и впрямь большой мастер в деле устранения свидетелей. К счастью, сам Тан Шаотан не обратил на это внимания.

А Цзю мигнул и с усмешкой сказал:

— Сначала договоримся: если будем драться, по лицу не бить.

Тан Шаотан: «?»

Ещё и красуется?

А Цзю надул губы:

— А что? Ты им все рты перекошил, как они теперь есть будут? Не есть — так какая в жизни радость?

Тан Шаотан: «...»

Оказывается, дело не в красоте, а в еде.

А Цзю, глядя на немых пленников, язвительно бросил:

— Интересно, что они себе надумали, чтобы так спешить на смерть? — И, помолчав, добавил без особого сожаления:

— Жаль, конечно, что ты им все зубы пересчитал. Как я их теперь допрошу?

Тан Шаотан, не отрывая взгляда от меча, спокойно произнёс:

— Они использовали приёмы Школы Бэйван.

Глаза А Цзю вспыхнули:

— О? Неужели Школа Бэйван так не дорожит жизнями, что готова погибнуть, лишь бы отомстить за прошлое унижение?

Внезапно кусты зашевелились без единого дуновения ветра.

Кто-то есть?

Тан Шаотан сосредоточился, пальцы сжали рукоять меча.

— Подожди, — остановил его А Цзю.

В мгновение ока они двинулись одновременно. Тан Шаотан почувствовал, как холодные костяшки пальцев А Цзю коснулись его руки, и едва выхваченный меч был грубо втолкнул обратно в ножны.

— Не надо драться. Я знаю, кто подслушивает.

Тан Шаотан смотрел на свою руку и машинально спросил:

— Кто? — но в душе его охватило смятение.

Поразила его не скорость А Цзю — так быстро он ещё не видел, — а ощущение от его пальцев. Они были холодными.

Он помнил, как в детстве впервые встретил тётушку Чань. Она изящно наклонилась и взяла его за руку. Тепло, исходившее тогда от её ладони, он запомнил навсегда.

Он думал, что руки А Цзю тоже должны быть тёплыми.

— Хочешь знать? Тогда сначала ответь на мой вопрос. — А Цзю улыбнулся и поманил его.

Тан Шаотан, смущённый и недоверчивый, поднял голову и насторожился, чтобы расслышать. Лёгкий ветерок коснулся его виска, краем глаза он заметил светлый узор в виде волн на рукаве А Цзю, и его ухо едва заметно дрогнуло.

«!»

Кто-то небрежно дёрнул его за мочку уха и тут же отпустил, но слова, словно пушистый комок, застряли в ухе, щекоча душу.

— Когда ты получил внутреннюю травму? А?

Сколько бы он ни скрывал, в пылу схватки это не утаить от такого искушённого наблюдателя, как господин Жуань. Тан Шаотан дрался жестоко, нанося смертельные удары без пощады, и дело было не только в его прошлом убийцы из Павильона Радужных Одежд, но и в том, что не до конца залеченная травма лишала его обычной сдержанности. Ну и, конечно, свою лепту внёс и сам господин Жуань, который только и делал, что мешал.

— Ты!..

Тан Шаотан отпрыгнул на три шага назад. Его лицо, обычно холодное, как лунный свет и зимние звёзды, мгновенно покрылось лёгкой краской, захватив и уши, и долго не сходило.

— Я не лечу раны. Получил травму — иди к врачу сам, — сказал А Цзю.

Тан Шаотан, всё ещё кипя от ярости, молчал.

— Что? Беспокоишься о деньгах? Хм, можешь потребовать их у семьи Фань. — А Цзю скользнул взглядом по разбросанным телам и многозначительно улыбнулся. — Думаю, они не посмеют отказать.

А Цзю, некогда серьёзно учивший других не распускать руки, теперь сам вкусил прелесть хулиганской выходки и не видел в этом ничего предосудительного.

Если уж и говорить о предосудительном, то куда хуже были его прежние мысли.

Он поднял руку, чтобы потрепать Тан Шаотана по голове — той самой, что порой отказывалась работать. Но едва пальцы коснулись пряди волос, он вдруг осознал неловкость жеста. Будто в этом невинном движении сквозила какая-то неуловимая, невыразимая теплота.

Как господин Павильона Ушоу, как он мог испытывать эту чёртову теплоту к врагу?

Характер Жуань Линцзю был скверным, и с детства он ни с кем не сходил близко. Во всём Павильоне Ушоу, включая ныне непонимающего человеческую речь Ши Вэня, тех, с кем он говорил без задних мыслей, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Двое из них умерли, один струсил, а другой был хитрым притворщиком. В итоге на всём пути рядом остался лишь Ши Вэнь.

Тан Шаотан из Павильона Радужных Одежд был врагом, а не другом, и не должен был стать вторым таким человеком.

Жаль.

Жаль?

А Цзю с недовольным видом покачал головой, внутренне недоумевая: что здесь, собственно, такого жалкого?

Спрятав сумбур мыслей за хулиганской выходкой, А Цзю лёгко кашлянул и тут же решил переложить неловкость на «безответного» Тан Шаотана.

— Ц-ц-ц, какой же ты тонкокожий.

Тан Шаотан: «...»

<http://bllate.org/book/16258/1462699>